

БОРОДИНО В СОЧИНЕНИЯХ РУССКИХ ИСТОРИКОВ НАЧАЛА XX в.

100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года вызвал мощный всплеск научного интереса к давним событиям. Современный исследователь справедливо отмечает: «До начала XX столетия научное изучение истории 1812 года традиционно проводилось генералами и офицерами российской армии»¹. Историк указал на ряд причин этого закономерного явления в отечественной науке: «Ведь основной массив документации долгое время оставался несистематизированным и частично засекреченным. Поэтому для вневедомственных ученых доступ в военные архивы фактически оказался закрытым»². Потому необходимо отметить деятельное участие правительственных учреждений в обеспечении мер для дальнейшего изучения темы.

С конца XIX в. в Военном министерстве началась активная разработка архивных материалов по войне 1812 года. Можно без преувеличения сказать, что к 1912 г. был опубликован основной массив документов и воспоминаний, хранящийся в Лефортовском архиве. В числе изданий, имеющих непреходящее значение, был 21-томник Материалов ВУА под редакцией А.З. Мышлаевского, сборники под редакцией В.И. Харкевича и К.А. Военского³. Огромное значение имело издание коллекционных документов, собранных П.И. Щукиным⁴. Обилие введенных в научный оборот источников открывало перспективы для изучения многих аспектов Отечественной войны 1812 года и корректировки, даже пересмотра многих старых положений. Однако, несмотря на предложения Главного штаба и энтузиастов-ревнителей, создать обобщающий труд, учитывающий новые источники, не удалось, так как поток многообразной информации подлежал еще и осмыслить, сделав принципиально новые выводы. В это время вышел ряд статей, посвященных Бородинскому сражению, учитывающих «отчасти изменившиеся взгляды на метод, приемы и конечные цели военноисторических исследований»⁵, позволившие взять под сомнение некоторые устоявшиеся в отечественной историографии положения.

Критический метод, связываемый современными исследователями с именем Богдановича (применившим его, на наш взгляд, не совсем удачно), в 1912 г. проявился в статье его ученика, профессора Академии Генерального штаба генерал-майора А.Н. Витмера. Он прославился ранее как оппонент романа Л.Н. Толстого «Война и мир»⁶. Историк был уверен, что созданию полной картины Бородинского сражения главным образом препятствует отсутствие уважительного отношения к «борцам враждебного лагеря». Потому он особенно заострил внимание в своей работе на самочувствии Наполеона в день битвы, отметив «психическое состояние великого вождя, явившееся, быть может, результатом физического недомогания»⁷. Русского главнокомандующего Витмер подверг суровой критике (возраст, состояние здоровья и прочее в этом случае почему-то не заслуживали снисхождения). Он полагал, что сражение при Бородине было крайне невыгодным для русских при равном соотношении сил, и Кутузову следовало его избегать. С этой целью историк «рекомендовал» Кутузову отступление от Можайска сразу на Калугу, полагая, что Наполеон последовал бы за русской армией и Москва осталась бы в стороне от театра боевых действий. «Отступление нашей армии до генерального сражения от Можайска на Калугу могло защитить Москву лучше, чем заслон грудью наших войск», - с апломбом заявлял ученый⁸. Увлечшись теоретическими рассуждениями, он упустил из виду им же сформулированные мотивы поступков Наполеона, действовавшего не только как полководец, но и как император. А как император, согласно мемуарам сподвижников, Наполеон в большей степени был заинтересован вступить в Москву, чем разгромить русскую армию, которую он упустил, заняв столицу. Витмер не учитывал данных, опубликованных его коллегой Н. П. Поликарповым, о «неотвязном», по словам Багратиона, преследовании русской армии неприятелем⁹, следствием чего были почти каждодневные арьергардные бои. Следовательно, перед Кутузовым стояла опасность быть атакованным вообще без позиции, на марше. И главное: Витмер, увлекшись критикой Кутузова, забыл о том, что для отступления на Калугу следовало иметь соответствующую коммуникацию. Проблема, поднятая в статье, была не нова. Так, Клаузевиц писал: «Направление от Можайска на Москву, которое Кутузов избрал, также ставится ему в укор. Ему будто бы следовало двигаться по дороге через Верею на Тулу. Но на этой дороге он не нашел бы ни единого куска хлеба; все, что необходимо для армии в ее тылу, все эти силы, движущиеся взад и вперед и обслуживающие ее жизнь, находились на Московской дороге. К тому же этот отход на Калугу едва ли привел бы к осуществлению основной задачи. Оставалось до Москвы всего лишь 14 миль; Наполеон не затруднился бы отрядить туда корпус в 30 000 человек, что при наличных обстоятельствах он мог бы сделать без малейшего риска; Москва все равно оказалась бы потерянной, а недалековидные русские еще, пожалуй, бы обвинили Кутузова в том, что своим искусственным маршем он без нужды отдал Москву неприятелю. Итак, Кутузов остался на самом правильном пути отступления...»¹⁰ Витмер,

ценивший Барклая де Толли больше, чем Кутузова, не принял во внимание, что почитаемый им военачальник в рапорте Кутузову от 18 августа, объясняя причины, побудившие его двигаться от Витебска к Смоленску и далее к Москве, назвал ту же самую: отсутствие времени для закладывания коммуникации¹¹.

Витмер считал, что французы по праву полагают Бородино своей победой на том основании, что русские были выбиты со всех позиций, отступили, сдали столицу и т.д.; притом он никак не соотносил итоги сражения с планами и намерениями обоих полководцев. Витмер подверг критике «Диспозицию», которая показалась ему непродуманной и расплывчатой, в чем он обвинил Толя, хотя, как мы отмечаем, оригинал этого документа подписан Беннигсеном, а в публикации Богдановича - Кутузовым. Ученый считал, что при Бородине более 200 орудий не приняли участие в битве опять же из-за просчетов Кутузова, хотя «Ведомости о потерях» русской армии содержат иные сведения¹². Пытаясь уточнить хронометрию битвы, Витмер направил критические замечания не по адресу. Историк писал: «видный участник борьбы за курган, Липранди, бывший квартирмейстером 6-го корпуса Дохтурова, часть которого после разгрома корпуса Раевского, обороняла Курганную батарею, говорит, что бригада Бонами была уничтожена и курган взят обратно Ермоловым в 9 часов утра, а герой этого подвига Ермолов, свидетельствует, что день клонился к полудню, когда он выехал из Горок. Следовательно, уничтожение бригады Бонами и обратный захват кургана могли быть не ранее полудня - разница на три часа огромная. Здесь явно ошибается Липранди»¹³. Если бы ошибался только один Липранди! Ни рапорты французских маршалов, ни 18-й бюллетень Наполеона, ни мемуары воинов Великой армии, за правильное отношение к которым Витмер боролся и ратовал, не привлекли внимание историка, отстаивающего версию, запечатленную в труде Богдановича.

Блеснув в статье богатством критических идей, Витмер, к сожалению, не смог подкрепить их ссылками на источники, нуждавшиеся к тому же еще и в проверке, и в сопоставлении. На наш взгляд, сильно препятствовало автору в создании по-настоящему критической работы, посвященной битве гигантов, стремление явно преувеличить успехи неприятеля, что выдавалось им за объективность.

Безразличную страсть к самобичеванию, свойственную интеллигенции на грани XIX-XX столетий, можно обнаружить не только в работе Витмера. Н. П. Поликарпов, блестящий знаток архивного дела, начальник Лефортовского архива, осенью 1910 г. сделал нетрадиционный доклад в Московском отделении ИРВИО. Объектом его критики сделался М.И. Кутузов. Основываясь на документах, Поликарпов попытался опровергнуть устоявшуюся версию о Кутузове как организаторе первого партизанского отряда под командованием Д.В. Давыдова, создав версию о том, что этот отряд был создан Барклаем де Толли под командованием Ф. Ф. Винцингероде. В ходе этого доклада, на наш взгляд, историк обнаружил глубокое знание малоизвестных документов наряду с нехваткой общих знаний об известных событиях, военных понятиях и терминах начала XIX в. Незнание классических определений терминов «партизанский отряд», «малая война» можно сравнить лишь с незнанием им термина «кор де баталь», повлекшим грубейшие ошибки при составлении историком-архивистом комментариев к «Диспозиции»¹⁴. Невнимательное прочтение Поликарповым приказа генерала Ермолова от 25 августа привело к тому, что при составлении «Расписания соединенных армий при Бородине» он поместил в резерв Главной квартиры 5-й гвардейский корпус Лаврова, где специалисты числят его и поныне. Кульминация в докладе Поликарпова наступила там, где ее не должно было ожидать. Историк, прочитав рапорт Кутузова от 27 августа, сличил его с текстом, появившимся в печати, обнаружил изъяты при публикации строки и пришел к пессимистическому выводу, что при Бородине «русское войско не победило, а было побеждено». Трудно объяснить, почему так потрясло историка чтение документа, который дважды публиковался без купюр. И. А. Шейн справедливо указал на то, что «в середине 70-х годов А.Н. Попов в своем сочинении "Москва в 1812 году" уже обращал внимание на подобные несоответствия между оригиналом реляции М. И. Кутузова и ее опубликованной копией»¹⁵. Отметим со своей стороны, что в полном виде рапорт Кутузова был опубликован ранее в сочинении Богдановича с соответствующими пояснениями к документу¹⁶. Поликарпов судил об итогах битвы не на основании реализации планов обеих сторон в сражении, проявившихся в ходе боевых действий, понесенных потерях, а на основании изъятых из текста рапорта строк, безусловно, очень важных, но, на наш взгляд, не дающих полного представления ни о сражении, ни о его результатах.

Существенный вклад в изучение Бородинского сражения внесли статьи военных историков, предпочитавших, прежде чем судить Наполеона или Кутузова или давать ответы на вопрос, чья победа, разобраться в обстоятельствах, предшествовавших сражению, в ходе самой битвы, увязав замыслы полководцев с результатами боевых действий.

Серьезным исследователем проблем, связанных с Бородинским сражением, был профессор Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенант Б.М. Колюбакин¹⁷. «По поручению

Совета ИРВИО он возглавил авторский коллектив, готовивший документальное издание о Бородинском сражении. Знакомство с подлинниками документов побудило Б.М. Коллюбакина к детализированному изучению этого центрального события 1812 года», - справедливо отметил И. А. Шейн¹⁸. Добавим также, что в этом случае интерес историка был направлен также и на разрешение практической задачи: в конце концов именно Б.М. Коллюбакина император Николай II назначил главным консультантом художника Ф.А. Рубо, создателя знаменитой панорамы «Бородинская битва». Из документов, опубликованных Г.И. Герасимовой, явствует, что перед художником возникла непростая проблема -представить на живописном холсте панорамы различные фазы битвы, «оберегая художественность изображения, одновременно твердо держаться исторической правды»¹⁹. Однако в хронометрии битвы добраться до «исторической правды» было довольно проблематично. Особенность историографической ситуации заключалась в том, что в отечественной историографии на рубеже веков мирно уживались сразу три версии. Две из них были созданы К.Ф. Толем. Согласно первой версии, еще до полудня французам удалось овладеть Семеновскими флешами (после ранения Багратиона), а затем предпринять первую атаку на батарею Раевского; во второй версии последовательность событий изменилась - сначала неприятель атаковал батарею Раевского, а затем занял Багратионовские флеши. В этой версии изменились и временные рамки событий: атака на батарею была предпринята между 9.00 и 10.00, флеши пали около полудня, князь Багратион был ранен при обороне позиции за оврагом. Сторонниками этой версии были Д.П. Бутурлин, А.И. Михайловский-

Данилевский, Ф.Н. Глинка, Д.Н. Неелов и др. Существовала также третья версия, которую можно условно назвать «версией Жомини - Богдановича», полагавших что захват неприятелем флешей предшествовал упомянутой атаке на батарею Раевского, однако эти события происходили около полудня. Научных споров по этому поводу не возникало, в связи с чем каждый исследователь имел собственное представление об «исторической правде». Например, Н.М. Михневич, А.В. Геруа, А. Балтийский склонялись к версии К. Ф. Толя, а В.Н. Витмер и А.П. Скугаревский тяготели к хронометрической картине битвы Жомини - Богдановича. Можно лишь строить предположения, чем руководствовался император, назначив носителем «исторической правды» Б.М. Коллюбакина. Во всяком случае, первый эскизный вариант Бородинской панорамы был отвергнут. Заметим, что государь сделал довольно удачный выбор, хотя в конечном итоге произведение Ф.А. Рубо отразило многие хронометрические заблуждения, существовавшие тогда в историографии. Главное из них: смещение событий во времени. Бой за деревню Семеновское на рубеже оврага к полудню, согласно документам, был уже закончен; дивизия Фриана, изображенная на полотне в момент сближения с защитниками Семеновского, к тому часу уже овладела деревней.

Тем не менее Коллюбакин внимательно изучил не только труды своих предшественников, но и был в курсе вновь опубликованных источников, подвергнутых им анализу. Автор отмечал, что общее стремление к генеральному сражению пытался реализовать Барклай де Толли, начиная от Смоленска и кончая Царевым-Займищем. Следовательно, и Кутузов не мог сдать Москву, избежав генеральной битвы. Коллюбакин полагал, что полководец рассчитывал разгромить армию Наполеона наличными силами²⁰. Он указал на первоначальное «неправильное, как бы несколько фланговое расположение» левого крыла, обвинив в этом наряду с Толем и Барклая, не имевшего к этому никакого отношения²¹. Историк отметил неравномерное укрепление фронта позиции, обусловленное перемещением левого крыла, вновь без причины обвинив Барклая де Толли, чрезмерно, на его взгляд, укрепившего правый фланг²². В отношении Шевардинского редута историк признал, что «определить доподлинно цель этого передового перед левым флангом расположения представляется затруднительным». Объяснение, данное Толем - «наблюдать за неприятелем» с редутов - ученый назвал «не выдерживающим критики»²³.

Особого внимания заслуживает составленное Коллюбакиным описание хода сражения. Он указал направление первых двух атак неприятеля на флеши, исходя из распоряжений Наполеона и обратив внимание на значительный факт: «Неудача атаки Компана вызвала Нея, нарушив направление на Семеновское, свернуть вправо с дивизией Ледрю и атаковать ту же флешь с фронта и другого фланга»²⁴. Коллюбакин дал, на наш взгляд, наиболее согласующуюся с источниками картину боя за флеши. Он отметил, что Багратион был ранен во время контратаки 2-й гренадерской дивизии до прихода 3-й пехотной дивизии Коновницына со Старой Смоленской дороги. Ученому, так же как и в свое время Липранди, оставалось сделать всего один шаг до вывода о времени ранения Багратиона и соотношении с этим событием первой атаки на батарею Раевского. Он отметил в примечании: «Источники вообще расходятся во времени: французские - время первого захвата определяют в 8-9 и не позже 10 часов, наши - разноречивы, а Ермолов указывает полдень, что совершенно не отвечает ходу боя»²⁵. После этих слов автор вернулся к описанию битвы, почему-то сообщив, что Ермолов и Кутайсов проезжали мимо батареи Раевского на помощь здравствующему Багратиону. С этого

«рокового» места в отечественной историографии у Колюбакина тоже начались необъяснимые смещения в хронометрии: атака дивизии Фриана на Семеновское «передвинулась» на 14.00, решение о рейде Уварова и Платова было принято Кутузовым около 11.00, в это же время, по мнению Колюбакина, Кутузов принял решение и о перемещении в центр 4-го пехотного корпуса и т.д. Несмотря на перечисленные неточности, хронометрическую схему битвы, созданную ученым, следует признать наиболее удачной, так как в ней сделана основательная попытка соотнести данные русских и иностранных источников.

В числе особо значимых для историографии темы работ следует назвать статью А.В. Геруа²⁶. Как в советский период, так и в настоящее время автор подвергается критике за приверженность модели «дворянской» историографии, проявившейся в том, что Геруа видел в лице Наполеона агрессора, а события Отечественной войны воспринимал как крестовый поход Запада против России²⁷. Впрочем, историка трудно упрекнуть в «квасном патриотизме» и безосновательной подозрительности к «властелину Запада»; как показывают последние исследования, Геруа был не далек от истины. Так, В.Н. Земцов характеризует намерения Наполеона в 1812 г. следующим образом: «Россия должна быть вытеснена из большой европейской политики и уж, конечно, не могла быть включена в наполеоновскую конфедерацию или федерацию. <.. > Борьба с Россией и русскими мыслилась как важнейший фактор сплочения остальных народов континента». «.. Я поведу за собой всю Европу», - сказал Наполеон Ж. Фуше, экс-министру полиции, перед походом в Россию. «...Я шел на Россию во главе остальной Европы, - говорил он на Св. Елене. - Начало было популярным, дело было европейским»²⁸.

Консерватизм убеждений не препятствовал Геруа критически взглянуть на существующие описания битвы, противоречащие сведениям как русских, так и зарубежных источников и создать одну из самых содержательных работ, посвященных подготовке и проведению генерального сражения. В отношении складывания «русской» версии Бородинской битвы он высказал, на наш взгляд, проницательные суждения, считая неправомерным приписывать ошибки в описании событий одновременно Кутузову и его ученику Толю, действовавшему зачастую от своего лица. Геруа отметил, что взгляд на сражение самого Кутузова восстановить довольно сложно, так же как и Багратиона, и многих других военачальников, постольку поскольку эти «лучшие дети войны» ушли из жизни, не оставив мемуарного наследия. «У них у всех, начиная с Кутузова, был один общий недостаток. Их золотой опыт остался не записанным и не оцененным философской военной литературой, почему и был безвозвратно утерян для грядущих поколений. Того, что сделала военная литература для Наполеоновского опыта, которым поэтому мы и питаемся и поныне, она не сделала для опыта Екатерининской боевой школы», - справедливо резюмировал исследователь²⁹. Действительно, можно лишь предполагать, по какому пути двинулась бы историография Бородинского сражения, если бы мы имели возможность услышать полную версию событий, вышедшую из-под пера Кутузова или же рассказанную «главным героем дня» Багратионом, если бы у них были время и возможности к тому, как у Баркляя, Беннигсена или Толя.

В отношении влияния Толя на отечественную историографию Геруа пришел к определенному выводу: «Эти искажения, ведущие начало от самого Толя, главного виновника ошибок в развертывании русских войск, были хотя и не извинительны, но объяснимы у лица, пекшегося о нерушимости своего собственного авторитета. Неизвестны побуждения двух главных историков (Михайловского-Данилевского и Богдановича. - *Л.И.*), поддержавших эти искажения; одно можно сказать - работали они отнюдь "не во славу русского оружия"»³⁰.

Геруа был первым исследователем, который, помимо общего описания инженерных укреплений на Бородинском поле, задался целью разъяснить принцип их сооружения и назначение в бою. Он пришел к убеждению, что Семеновские флеши «совершенно неверно показаны на плане Толя», где игнорировался принцип «взаимоперекрестной обороны». Историк попытался разобраться в хронометрии боя на левом фланге и у батареи Раевского и запутался. Толь, несмотря на основательные подозрения Геруа в его адрес как недостоверного источника повествования о Бородинской битве, снова оказался сильнее. Геруа, правда, полагал, что Багратион был ранен не в полдень, а около 11.00 во время пятой атаки во главе 2-й гренадерской дивизии. Историк не смог объяснить, каким образом главнокомандующему 2-й армии удалось продержаться с двумя пехотными дивизиями и одним кавалерийским корпусом против трех дивизий корпуса Даву, трех дивизий корпуса Нея, корпуса Жюно и резервной кавалерии Мюрата. Вслед за Богдановичем Геруа ошибочно полагал, что дивизии Компана и Ледрю атаковали разные флеши, а дивизия Дессе двигалась левее Компана. Заметим, что подобное представление о ходе боя за флеши показывало в невыгодном свете оборонительные усилия русских войск. Первая атака на батарею Раевского, по мнению историка, произошла в 10.00, а вторая была отбита Ермоловым в 11-м часу, до ранения Багратиона³¹.

Несмотря на ряд оригинальных суждений и справедливых оценок событий при Бородине, Геру не удалось разрубить гордиев узел отечественной историографии - избежать «перепутанности моментов» в битве.

Бородинскому сражению был посвящен ряд статей, авторы которых, очевидно, в первую очередь стремились успеть создать свои печатные труды к славному юбилею и не утруждали себя внимательным изучением источников. В работах они использовали опубликованные сочинения Толя, Бутурлина, Михайловского-Данилевского, Глинки, Неелова, Богдановича, Жомини, прошедшие, с их точки зрения, проверку временем. Здесь мы можем назвать имена Н.М. Михневича, С.И. Михеева, полковника Оболенева, В.А. Афанасьева, А. Балтийского, чьи работы, несмотря на указанные несовершенства, оказали сильное влияние на последующую историографию.

«С возвышенно-патриотических позиций», как удачно выразился современный исследователь, подошел к описанию Бородинской битвы начальник Главного штаба генерал-майор Н.М. Михневич³². Его не интересовали спорные вопросы, связанные с оценкой позиции или расположением войск. Он обошел молчанием планы обеих сторон и их реализацию в ходе битвы. Сбои в хронометрии боевых действий автора статьи, по-видимому, также не волновали³³. Действия Кутузова в сочинении Михневича заслужили исключительно положительную оценку. Он же по одному ему известным причинам причислил Кутузова к «старым ученикам Суворова»³⁴. Нападение неприятеля на Шевардино он охарактеризовал как «столкновение с нами из-за Шевардинского редута»³⁵. В статье повторены основные ошибки «русской» версии в хронометрии боевых действий на левом фланге, где Багратион, по мнению Михневича, был ранен во время четвертой атаки около 11.00, и лишь после этого около полудня «Ермолов выбил противника с батареи» в центре³⁶. События на флешах сочинитель снабдил определением «главный бой», ни словом не упомянув о защите Семеновского. Последнее обстоятельство стало приобретать характер устойчивой традиции. Все понятия об обороне левого фланга отныне сводились к защите трех укреплений, схватка вокруг которых приобретала в историографии все более грандиозное и решающее для всей битвы значение.

Традиционные ошибки «русской» версии повторил в своей статье С.И. Михеев, добавив к ним еще и собственные³⁷. Значение «Шевардинского дела» он определил, на наш взгляд, двусмысленной фразой: «усиленная разведка, выяснившая французам слабость нашего левого крыла»³⁸. Автор предложил своеобразное разделение битвы на периоды, что не способствовало внесению ясности в хронометрию:

1-й период - от 6.00 до 12.00;

2-й период - две атаки на батарею Раевского: около 10.00 первая атака и около 11.00 вторая атака, которая, по мнению автора, могла бы иметь необратимые последствия, но «случайно в это время здесь проезжал начальник штаба 1-й армии Ермолов»;

3-й период - появление в тылу у неприятеля около 14.00 Уварова и Платова.

Без каких-либо разъяснений Михеев насчитал пять атак на флешу, сообщив, что «во время подготовки четвертой атаки был ранен осколком в бедро князь Багратион», но в следующем абзаце говорилось о том, что военачальник «был ранен в берцовую кость»³⁹.

В статье подполковника Оболенева признавался факт частичной перемены расположения войск вследствие «боя за обладание редутами»⁴⁰. Автор писал: «Шевардинский бой, обнаружив намерение французского военачальника обойти по Старой Смоленской дороге, ведущей прямо в тыл русской армии, заставил нас несколько видоизменить первоначальное расположение войск на позиции»⁴¹. К числу достоинств статьи следует отнести цитирование «Диспозиции» Наполеона, позволяющее определить задачи, поставленные полководцем перед маршалами⁴². К описанию хода боя за флешу, кроме традиционных ошибок о времени ранения Багратиона и вступления в бой дивизии Фриана, добавились новые «огрехи». Автор решил, что генерал-майор Тучков 4-й из 3-й пехотной дивизии Коновницына был ранен во время второй атаки раньше, чем Воронцов, чья дивизия первой вступила в бой за флешу. В остальном же описание Бородинской битвы целиком совпадало с версией Толя.

Следует признать полезной статью А.В. Нефедовича, посвященную инженерной подготовке Бородинского поля. Хотя автор не сообщил в статье ничего нового, однако он дал определение всем типам укреплений, возведенным на Бородинском поле. Актуальность этой работы заключалась в том, что современники, так же как и историки, зачастую неверно употребляли названия инженерных укреплений. Так, люнет в центре поля очень часто называют редутами, две флешы у деревни Семеновское на самом деле являлись редутами. Историк описал принципы возведения укреплений, обозначив их параметры⁴³.

Ни одна из перечисленных выше работ не оказала такого влияния на последующую отечественную историографию, как путеводитель по Бородинскому полю А. Балтийского, содержащий не столько описание достопримечательностей этого места, сколько подробное изложение хода боевых действий в

той последовательности и с тем толкованием различных фаз сражения, как они представлялись автору. К изданию были приложены карты и схемы, указывающие направление атак⁴⁴.

Автор разобрал причины и следствия «Шевардинского дела», признав неудачным первоначальное расположение левого крыла. «Начавшийся бой за Шевардинский редут является, таким образом, следствием сдерживания натиска противника», - рассуждал Балтийский⁴⁵. Автор не упомянул о распоряжении Кутузова переместить левый фланг к д. Семеновское. «Шевардино - не только пролог, но и первый акт Бородинского сражения», - делал вывод автор путеводителя, полагая, что смещение войск 2-й армии произошло вследствие натиска противника⁴⁶. В этом случае Балтийский явно находился под впечатлением романа Л.Н. Толстого «Война и мир».

Ни одному из перечисленных авторов, начиная с Толя, не удалось нагромоздить такого количества ошибок в описании хода битвы, «обогатив» ими отечественную историографическую версию. Именно Балтийскому принадлежала мысль увеличить число атак на Семеновские (Багратионовы) флеши до восьми. По мнению автора, первую атаку корпуса Даву отразила не 2-я сводно-гренадерская дивизия Воронцова, а 27-я пехотная - Неверовского. Во время третьей атаки, считал автор, дивизия Воронцова выбила из обеих флешей и дивизию Компана, и дивизию Ледрю. Дивизия Фриана вступила в бой за укрепления во время четвертой атаки, но была отбита гренадерами К. Мекленбургского. Во время пятой атаки на флеши напали кавалерийские корпуса Латур-Мобура и Нансути, но их контратаковала пехота Коновницына. Когда же неприятелю удалось потеснить 2-ю гренадерскую дивизию, ее вновь сменила 27-я пехотная дивизия Неверовского. К этому времени, по мнению Балтийского, началась вторая атака батареи Раевского. Седьмую атаку на флеши, полагал автор, отбила 4-я пехотная дивизия Евг. Вюртембергского. В этом случае Балтийский ссылался на рапорт Багговута, хотя в нем речь шла о событиях на Старой Смоленской дороге. Если, согласно версии Толя, перед последней атакой три флеши обстреливались 400 орудиями с обеих сторон, то, по версии Балтийского, только французы сосредоточили на пространстве около полутора верст «700 огнедышащих жерл»⁴⁷. Багратион, по этой версии, получил рану после полудня и даже после отражения второй атаки на батарею Раевского и рейда Уварова и Платова⁴⁸.

Путаница в последовательности и продолжительности событий на левом фланге была так велика, что историк А.П. Скугаревский счел нужным заметить в своей работе: «Русские писатели делают попытки определить количество атак французов числом 4-5; один писатель (Геруа) считает 6 атак на флеши, а один даже 8 (А. Балтийский). Французы ограничиваются упоминанием только о 2-3-х атаках, не больше»⁴⁹. Историк, использовавший труды Бутурлина, Неелова, Богдановича, Жомини, не обратил внимания, что причиной подобного расхождения является то, что в русской историографии перепутаны события, происходившие на флешах и у д. Семеновское. Скугаревский высказал недоумение по поводу метода определения времени того или иного события в трудах отечественных историков: «Сведения о выступлении от д. Утицы и о прибытии к флешам дивизии Коновницына в русских сочинениях довольно сбивчивы. Сам Коновницын в своих "Воспоминаниях" говорит, что он был переведен к Багратиону "весьма рано". Действительно, когда Понятовский появился против Утицы, дивизии Коновницына уже там не было; следовательно, она выступила до 8 ч. утра. Между тем, Богданович и за ним другие писатели говорят, что Коновницын подошел к флешам "около 10 часов". Между Утицами и флешами 1,5 версты. Не мог Коновницын на проход такого расстояния употребить 2-х часов, да еще идя на помощь. Очевидно, он подошел к флешам до 9 ч. утра»⁵⁰. Заметим, что в цитируемых автором воспоминаниях Коновницына говорилось о том, что генерал застал Багратиона уже раненым. Что мешало Скугаревскому усомниться и в определении времени ранения «второго Главнокомандующего»? Но и этот историк полагал, что Багратион был ранен в полдень, а дивизия Морана «надвинулась на батарею Раевского» в одиннадцатом часу утра⁵¹.

Среди изданий, вышедших накануне празднования 100-летней годовщины Бородинского сражения, необходимо упомянуть о сочинениях, часто упускаемых из виду в исследованиях историографии темы. Это полковые истории, написанием которых, как правило, занимались по поручению начальства офицеры-энтузиасты. К энтузиазму часто примешивалась служебная исполнительность. Авторы полковых историй добросовестно изучали все доступные им труды и источники по теме Бородинской битвы. Кроме того, написание полковых историй имело и прикладной характер: в 1912 г. на поле планировалось установить памятники, отметив места, где сражались воинские соединения в 1812 г. Помимо поиска материальных средств на осуществление этой идеи, полки-потомки должны были определиться в отношении местонахождения полков-предков во время битвы. Авторы полковых историй анализировали документы и сочинения историков с целью выявить участие воинских частей в «грандиозном побоище». Их вклад в историографию Бородинского сражения не подлежит сомнению: конкретизация действий отдельного полка на поле брани позволяла внести уточнения и дополнения в описание хода всей битвы. На наш взгляд, в большей степени это удалось авторам историй лейб-гвардии Литовского,

Измайловского, Семеновского, лейб-Егерского и особенно Финляндского полков. Время и место последнего в битве было сложно установить по документам⁵². Капитан С.А. Гулевич убедительно доказал, что полк, в котором он служил спустя столетие, в 1812 г. был отправлен на левый фланг в д. Семеновское в составе бригады Храповицкого вместе с литовцами и измайловцами и уже с 9.00 сражался на оконечности левого крыла⁵³.

Начало XX столетия открыло новые возможности для изучения Бородинского сражения: исследователи получили широкий доступ к источникам, которые долгие годы находились под спудом. Эти источники не утратили своей актуальности до сегодняшнего дня. Столетний юбилей «битвы гигантов» сопровождался выходом в свет большого числа статей, посвященных этому событию. Некоторые авторы (А.Н. Витмер, Б.М. Коллюбакин, А.В. Геруа, А.П. Скугаревский), преодолев сложившийся в историографии «традиционный набор суждений и образов», существенно расширили привычные представления о событиях при Бородине 22-26 августа. Внимание историков сосредоточилось на действиях Кутузова как главнокомандующего, подвергалась сомнению целесообразность его решения о принятии генерального сражения, раздавались критические замечания по поводу деятельности Главного штаба при Бородине и управления войсками. Дискуссионным явился вопрос о выборе позиции и расположении войск на ней: некоторые историки признали факт первоначального ошибочного размещения левого фланга, следствием чего явилось «шевардинское дело».

Расширение аспектов изучения битвы позволяло усомниться в правильности основных положений версии Толя. Но у этого же историографического явления была и отрицательная сторона: Кутузов и Толь существовали в историографической версии нераздельно, хотя Толь, приняв на себя роль толкователя намерений главнокомандующего, в ряде случаев противоречил документам. Кроме Геруа, мало кто из специалистов учитывал это обстоятельство. Так, критика в адрес Толя оборачивалась критикой в адрес Кутузова. В описании самой битвы по-прежнему безраздельно господствовала версия Толя, невзирая на негативные отзывы в адрес ее создателя.

В историографии закреплялось ошибочное представление о левом фланге русской позиции как о трех флешах. Главные события боя у Семеновского связывались с обороной этих укреплений. В рамках хронометрической версии Толя, продлившего их защиту до полудня, историки начала XX столетия «насытили» этот отрезок времени новыми событиями, смешав их между собой, а именно: восьмью атаками на флеш, с которыми благополучно «сосуществовали» три атаки на батарею Раевского (первая из них была «сочинена» Богдановичем). Описание боя за д. Семеновское почти исчезло со страниц исторических трудов; происходившим там событиям не придавалось особого значения, хотя по документам именно там решилась судьба битвы. На наш взгляд, это происходило оттого, что историки, исполняя роль «жрецов науки», искренне верили в то, что их главная задача - восстановить «историческую правду». Они искали ее, по мере своих пристрастий, то в одном, то в другом, а то и в целой группе исторических источников, не стараясь объяснить причины своих предпочтений. Методологическая позиция исследователей начала XX столетия может быть обозначена понятием «историзм», в традиционном осмыслении которого акцент ставится на соответствии данного описания историка тому, что может стать лишь результатом описания, но мыслится как действительно произошедшее именно так.

Естественно, что исследователям того времени было незнакомо современное определение исторического источника как всякого объекта, возникающего в результате целенаправленной деятельности людей и используемого для получения данных о его создателях⁵⁴. В сущности, в центре всего исторически сложившегося комплекса знаний о Бородинской битве стоят авторы сочинений о ней (пусть это даже будет рапорт) со своими суждениями, пристрастиями, интересами, невольными заблуждениями.

Исследование происхождения исторического источника, изучение его состава и содержания, отношений с другими источниками (историческими и историографическими), оценка его информационной насыщенности позволяют современному исследователю, отказавшись от «заоблачной» цели наших предшественников - постигнуть «историческую правду», добиться более скромного, однако и более надежного успеха - «научной достоверности». Как ни странно, но именно этот современный взгляд на ремесло историка (основываясь исключительно на присущем ему здравом смысле) высказал в форме замечания М.И. Богдановичу участник Отечественной войны 1812 года И.П. Липранди: «...Он (историк. - Л.И.) сам не может ничего свидетельствовать. Он будет говорить только то, что говорят другие, и если он очистит разногласия критикою, то обязанность его выполнена»⁵⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Шейн И.А.* 1812 год в военной историографии в канун 100-летней годовщины Отечественной войны // Труды ГИМ: Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. М., 2002. Вып. 132. С. 269.
- ² Там же. С. 270.
- ³ Отечественная война 1812 года: Материалы Воен.-учен. архива / Изд. Главного управления Генерального штаба. СПб., 1900-1914. Т. I-XXI.; *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы Воен.-учен. архива Главного штаба. Вильна, 1900-1907. Вып. 1-4.;
- Военский К.А.* Отечественная война 1812 года в записках современников. СПб., 1911.
- ⁴ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные П.И. Щукиным. М., 1897-1910. Ч. 1-10.
- ⁵ *Шейн И.А.* Указ. соч. С. 7.
- ⁶ *Витмер А.Н.* 1812 год в «Войне и мире»: По поводу ист. указаний IV тома «Войны и мира» Л.Н. Толстого // Воен.-ист. сборник. 1913. №1. С. 47-54.
- ⁷ *Витмер А.Н.* Бородинский бой: опыт крит. исследования // Воен.-ист. сборник. 1912. №2. С. 99-174.
- ⁸ Там же. С. 103-104.
- ⁹ *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года / под ред. В.П. Никольского. М., 1913. С. 501-523.
- ¹⁰ *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1991. С. 81.
- ¹¹ М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. 4, ч. 1. С. 86.
- ¹² Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 202-212.
- ¹³ *Витмер А.Н.* Указ. соч. С. 93.
- ¹⁴ Полковник Валентини. Малая война. СПб., 1809; *Поликарпов Н.П.* Указ. соч. С. 505-523.
- ¹⁵ *Шейн И.А.* Указ. соч. С. 276; *Он же.* Война 1812 года в Отечественной историографии. М., 2002. С. 68-69, 246.
- ¹⁶ *Богданович М.И.* Отечественная война 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859-1860. Т. 2. С.283-285.
- ¹⁷ *Колюбакин Б.М.* 1812 год: Избрание Кутузова Главнокомандующим над всеми армиями // Рус. старина. 1912. №7. С. 1-32; *Он же.* 1812 год: Бородинское сражение 26 августа // Рус. старина. 1912. №8. С. 258-281. Далее цит. по: *Колюбакин Б.М.* Бородинское сражение. М., 1999.
- ¹⁸ *Шейн И.А.* Война 1812 года... С. 69-70.
- ¹⁹ *Герасимова Г.И.* «...Необходимо... твердо держаться исторической правды» // Вестн. Музея-панорамы «Бородинская битва». Вып. 2: 150-летию со дня рождения Ф.А. Рубо посвящается. М., 2005. С. 95.
- ²⁰ *Колюбакин Б.М.* Бородинское сражение. М., 1999. С. 4-5.
- ²¹ Там же. С. 9.
- ²² Там же. С. 17.
- ²³ Там же. С. 20.
- ²⁴ Там же. С. 38.
- ²⁵ Там же. С. 42.
- ²⁶ *Геруа А.В.* Бородино (по новым данным). СПб., 1912.
- ²⁷ *Шейн И.А.* 1812 год в военной историографии... С. 281; *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 84.
- ²⁸ Там же. С. 140.
- ²⁹ *Геруа А.В.* Указ. соч. С. 11.
- ³⁰ Там же. С. 16.
- ³¹ Там же. С. 24-37.
- ³² *Шейн И.А.* 1812 год в военной историографии. С. 282.
- ³³ *Михневич М.Н.* Сто лет назад: 26 августа 1812 год: Великий день Бородина. СПб., 1912.
- ³⁴ Там же. С. 13-14.
- ³⁵ Там же. С. 19.
- ³⁶ Там же. С. 22-23.
- ³⁷ *Михеев С.И.* Отечественная война, 1812-1912: Бородинское сражение. М., 1911.
- ³⁸ Там же. С. 25.
- ³⁹ Там же. С. 30.
- ⁴⁰ *Подполковник Оболюев.* Бородинский бой и его памятники. М., 1903. С. 35.
- ⁴¹ Там же. С. 38-39.
- ⁴² Там же. С. 45.
- ⁴³ *Нефедович А.В.* Подготовка Бородинского поля к сражению в инженерном отношении // Инженер. жур. 1912. №8. С. 57-77.
- ⁴⁴ *Балтийский А.* 1812-1912: Бородино: Путеводитель. Б/м., 1912.
- ⁴⁵ Там же. С. 12.
- ⁴⁶ Там же. С. 15.

- ⁴⁷ Там же. С. 57.
- ⁴⁸ Там же. С. 61.
- ⁴⁹ *Скугаревский А.П.* Бородино. СПб., 1912. С. 50-51.
- ⁵⁰ Там же. С. 49-50.
- ⁵¹ Там же. С. 54.
- ⁵² История лейб-гвардии Егерского полка. СПб., 1896; *Пестриков Н.С.* История лейб-гвардии Московского (Литовского) полка. СПб., 1900; *Гулевич С.А.* История лейб-гвардии Финляндского полка. СПб., 1906; *Аглаимов С.П.* Отечественная война 1812 года: Ист. материалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912.
- ⁵³ *Гулевич С.А.* Указ. соч. С. 216.
- ⁵⁴ *Медушевская О.М., Муравьев В.А.* Источниковедение в системе гуманитарного образования // Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001. С. 33.
- ⁵⁵ *Липранди И.П.* Материалы для Отечественной войны 1812 года: Сб. статей. СПб., 1867. С. 118.